

ПЕРВОНАСЕЛЬНИКИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ
И
ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.
(Историко-критическiй очеркъ).

М. Д. Хмыровъ.

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ, 8 ноября 1871 года.

Печатня В. П. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.

ПЕРВОНАСЕЛЬНИКИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

и

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Историко-критическій очеркъ).

Се начнемъ повѣсть сію.

Русская мѣтопись.

Нынѣшняя русская земля съ незапамятныхъ временъ была заселена племенами, происхожденіе, взаимнодѣйствіе и самыя названія которыхъ до сихъ поръ еще утверждаются, отвергаются, переоспариваются и, по видимому, не подлежатъ, какъ вопросы, окончательному рѣшенію. По крайней мѣрѣ, слишкомъ столѣтнія изслѣдованія этихъ вопросовъ, показавъ болѣе или менѣе выгодно ученость однихъ и остроуміе другихъ изслѣдователей, только породили разнообразныя мнѣнія, состоящія и до сихъ поръ состоящія въ прямомъ противорѣчій между собою. Последнее могло бы казаться тѣмъ удивительнѣе, что для каждаго изъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ сторонниковъ того или другаго мнѣнія, была, есть и останется главнымъ источникомъ одна и та же «Повѣсть временныхъ лѣтъ», справедливо или несправедливо приписываемая кіево-печерскому монаху Нестору, жившему въ половинѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Но кто понимаетъ, къ какимъ увлекательнымъ результатамъ можетъ приводить этимологическое истязаніе словъ, этотъ любимый конекъ всей плеяды гг. изслѣдователей подобныхъ вопросовъ, того нисколько не удивить, что одна и та же «Повѣсть временныхъ лѣтъ» даетъ поводъ выводить русскій народъ, а за нимъ государство, напр. Байеру и Шлещеру — отъ какихъ-то невѣдомыхъ нормановъ, г. Погодину — отъ скандинавовъ, Эверсу — отъ турковъ, а г. Костомарову — отъ литовцевъ. Въ вѣроятности этихъ выводовъ, пожалуй, можно было бы усомниться на томъ простомъ основаніи, что Байеръ и Шлещеръ, эти первые критики русскихъ лѣтописей, не знали по русски, такъ же какъ Эверсъ — по турецки, и такъ же какъ г. Погодинъ не знаетъ по

скандинавски, аг. Костомаровъ — по литовски. Но мнѣнія названныхъ здѣсь изслѣдователей все таки любопытны, во первыхъ, какъ научный догматъ тѣхъ школъ, къ которымъ принадлежали или принадлежатъ сами изслѣдователи, а во вторыхъ, какъ противовѣсіе толкованіямъ: и старымъ, Венеліна, о славянахъ; и новымъ, г. Геденова, о варягахъ, и новѣйшимъ, г. Буника, о руссахъ; и, наконецъ всеотвергающему скептицизму отжившей школы покойнаго Каченовскаго. Выборъ между такимъ обиліемъ ученыхъ мнѣній едва ли не принадлежитъ критикѣ гораздо позднѣйшей, которая, когда бы ни настала она для вопроса о происхожденіи русскаго народа и въ чемъ бы ни состоялъ приговоръ ея, конечно, уже за одно то не сочтетъ праздными и излишними высказанныхъ учеными доводовъ, что все они послышно служили къ разъясненію, если не разрѣшенію, одного и того же вопроса. А такъ какъ вопросъ этотъ до сихъ поръ еще разъясняется, то для настоящаго очерка будетъ достаточно представить русскую Повѣсть временныхъ лѣтъ въ возможной связи съ соответствующими сзаніями иностранцевъ — и изъ такого сопоставленія приблизительно опредѣлить: откуда есть», выражаясь языкомъ Повѣсти, «пошла Русская земля и откуда Русская земля стала есть».

Выше замѣчено, что авторомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ справедливо или несправедливо признается кіево-печерскій монахъ Несторъ. Такая двойственность заключенія объ авторствѣ Нестора оправдывается, прежде всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ 53 списковъ «Повѣсти», собранныхъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Археологическую комиссію 1837 г., только въ одномъ

(Хлѣбниковскомъ) сочиненіе это приписывается «Нестору Черноризыцу». «Разсматривая Временникъ Нестора въ первоначальномъ его составѣ — говоритъ Археографическая коммиссія — нельзя съ достовѣрностію утвердить, чтобы древній текстъ его, сохранившійся въ Лаврентіевской лѣтописи, дошелъ до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально былъ составленъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласны Шлецеръ, Карамзинъ и другіе опытные знатоки отечественной исторіи. Ибо означенный Временникъ не упоминаетъ ни въ одной рукописи отдѣльно, нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній, чтобы онъ когда либо существовалъ въ этомъ видѣ, да и имени Нестора не упомянуто въ заглавіи Лаврентіевскаго и большей части другихъ списковъ»¹⁾. Сомнѣніе въ первоначальности текста дошедшей до насъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» тѣмъ справедливѣе, что «Повѣсть» эта носитъ явные слѣды предшествовавшихъ ей краткихъ и, судя по доказательнымъ объясненіямъ г. Срезневскаго²⁾, чисто лѣтописныхъ отлѣтковъ, не похожихъ на монастырскія записки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какія могъ вести — и, быть можетъ, дѣйствительно велъ — Несторъ Черноризецъ. На сомнѣніе же въ принадлежности «Повѣсти временныхъ лѣтъ» перу Нестора Черноризыца наводитъ сама «Повѣсть», которая, при всей кажущейся простотѣ своей и сжатости, можно сказать, художественной, не лишена извѣстной системы и очевидно позднѣйшихъ политическихъ воззрѣній, отличающихъ гораздо болѣе трудъ лица общественнаго, даже административнаго, нежели русскаго отшельника XI в.

Эти-то и нѣкоторые другіе доводы побуждали русскихъ изыскателей русской старины или подозрѣвать въ составленіи «Повѣсти временныхъ лѣтъ» скрытое участіе кievскаго правительства, лично заинтересованнаго отношеніями Кіева къ Новгороду и обратно³⁾, или прямо указывать въ «Повѣсти» мѣста, будто бы измѣненные новгородскою поддѣлкою, разумѣется въ пользу Новгорода⁴⁾.

Совсѣмъ тѣмъ, Археографическая коммиссія 1837 г., приступая къ изданію Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, признала древнѣйшій изъ списковъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», Лаврентіевскій, сдѣланный въ 1337 г., для в. кн. Константина Суздальскаго, основнымъ, а изъ прочихъ списковъ согласилась подводить къ первому только варианты, — и въ такомъ видѣ Лаврентіевскій

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Изд. 1846, т. I. Предисловіе, с. XVIII—XIX.

²⁾ «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. И. Срезневскаго. См. Записки Императорской Академіи Наукъ. 1862, т. II. Приложеніе № 4.

³⁾ Лекціи по Русской Исторіи, Н. Костомарова, 1862, ч. I, с. 22.

⁴⁾ «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси» I. Болинскаго. См. Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ. 1835, № 37, с. 79—86; № 38, с. 131.

списокъ началъ собою первый томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, напечатанный въ 1846 г.

Слѣдовательно, отвѣтовъ на вопросы: «откуда есть пошла Русская земля» и «откуда Русская земля стала есть» — надлежитъ искать, прежде всего, въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», авторъ которой, кто бы ни былъ онъ, уже потому заслуживаетъ особое довѣріе, что въ его твореніи, вообще свободномъ отъ всякихъ произвольныхъ заключеній, почти не встрѣчается разглагольствій о чудесахъ и сверхъестественностяхъ всякаго рода, столь любимыхъ современными ему христіанами христіанской Европы. Не соблазняясь въ этомъ отношеніи даже примѣромъ византійскихъ хроникъ, преисполненныхъ баснями и хорошо извѣстныхъ на Руси XI в., авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», какъ видно, постигалъ ту непреложную истину, что моменты зарожденія народовъ и государствъ естественно неуловимы, а потому остерегся возводить одноземцевъ своихъ къ мифамъ доисторическимъ и началъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» сказаніемъ, по крайней мѣрѣ, библейскимъ — о событіяхъ «по потопѣ» и раздѣленіи всей земли между тремя сынами Ноевыми, взаимно обязавшимися «не приступати ни кому же въ жребій братень».

Самый выборъ такого общепринятаго наукою историческаго событія, какъ потопъ, за исходную точку, — уже достаточно рекомендуетъ критическій тактъ автора «Повѣсти временныхъ лѣтъ», тутъ же потрудившагося не только указать предѣлы владѣній каждаго изъ сыновъ Ноевыхъ, но и поименно перечислить страны и народы жребія Іафетова. «Афету же — говоритъ онъ — яшась полунощныя страны и западныя: Мидія, Алъванья, Арменія малая и великая, Кападокія, Фефлагони, Галатъ, Колхисъ, Воспоріи, Меоти, Деревы, Сарматы, Таврїани, Скуеія, Фраци, Макидонья, Далматія, Молоси, Фесаля, Локрїя, Пеленія яже и Полопонисъ наречеса, Аркадія, Ипиронія, Илѣирїя, *Словьме*, Лухитія, Аньдрїакія, Оньдрѣятинская пучина; иматъ же и острова: Вританію, Сикилию, Евїю, Родока, Хїона, Лѣзвона, Кофирана, Закуньфа, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть Асійскія страны, нарицаемую Онїю, рѣку Тигру, текущую между Миды и Вавилономъ; до Понетьскаго моря на полнощныя страны, Дунай, Днѣстръ, и Кавкасиинскія горы, рекше Угорьски, и оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припетъ, Двина, Волховъ, Волга, яже идетъ на востокъ въ часть Симвову. Въ Афетовѣ же части сѣдять: *Русь*, Чудъ и вси языци, Мера, Мурома, Вель, Морьдва, Заволочская Чудъ, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимъгола, Корсь, Сѣтьгола, Любъ; *Ляхове* же, и *Пруси*, *Чюдъ* присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять *Варязи* сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симвова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до *Волошъски*. Афетово бо и то колѣно: *Варязи*, *Свеи*, *Урмане*, *Готѣ*, *Русь*, *Агняне*, *Галчане*,

Волхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Вендици, Фрагове и прочіи; доже присѣдять отъ запада къ полуденю и съсѣдятся съ племянемъ Хамовымъ»⁵⁾.

И такъ, въ начальныхъ строкахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» уже выводятся на сцену историческаго дѣйствія и *словѣне*, и *русь*, и *варяги*, — три племени жребія Іафетова, донинѣ то соединяемыя, то раздѣляемыя изысканіями русскихъ ученыхъ, въ иноземныхъ же источникахъ являющіяся, подъ своими лѣтописными именами, весьма одновременно, а именно: славяне, въ готскихъ, съ VI в.; русь, въ арабскихъ, съ IX в.; варяги, въ греческихъ, съ X в. Не вдаваясь въ разбирательство и оцѣнку нескончаемыхъ ученыхъ споровъ о славянахъ, руси и варягахъ, замѣтимъ, что судьбы славянъ 48-ю писателями, сосчитанными Венелинымъ, толкуются на 48 различныхъ ладовъ⁶⁾; колыбель руссовъ донинѣ передвигается чуть ли не по всей Европѣ и части Азии; а самое имя варяговъ, полагаемое то племеннымъ, то географическимъ, то, наконецъ, промысловымъ названіемъ, остается все таки необъясненнымъ.

За объясненіе всего подобнаго весьма благообразно не брался и самъ авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», — просто ли умалчивая о томъ, чего онъ не зналъ, или считая ненужными подробности, тогда всѣмъ извѣстныя, но — едва ли «изъ должнаго благоговѣнія къ преданіямъ священнымъ», какъ выразился нѣкій русскій критикъ начальныхъ годовъ текущаго столѣтія⁷⁾. Авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», бывъ поставленъ въ прямую необходимость послѣдовательно развивать событія отъ временъ библейскихъ до временъ историческихъ, счелъ нужнымъ просто замѣтить, что, при сыновьяхъ Ноевыхъ, всюду «бысть языкъ единъ» и, затѣмъ, привести рассказъ о столпотвореніи вавилонскомъ, въ наказаніе за которое, «сѣмѣси Богъ языки и раздѣли на 70 и 2 языка, и расѣя по всей земли... отъ сихъ же 70 и 2 языку — заключаетъ авторъ «Повѣсти» — бысть языкъ Словѣнскъ отъ племени Афетова, Норци (варианты: нарци, нарицаемі), еже суть Словѣне»⁸⁾.

Куда именно дѣвался «языкъ Словѣнскъ» тотчасъ по столпотвореніи вавилонскомъ, авторъ «Повѣсти» не указываетъ, и пробѣлъ этотъ пополняется позднѣйшими фантазіями о пребываніи славянъ и руси (сильванорусовъ) въ Восточной Индіи, гдѣ, съ разными этимологическими натяжками, находятъ область Дунайскую⁹⁾, про-

винціи Богорскую (Bogor = Бугоръ, Богорская = Бургристая) и Нооградскую (Noogradche, произносится какъ Noograd), города: Рамгоръ (Ramgor = Рамо и Вѣнецъ горъ), Нагоръ (Nagor = Нагорный), Напоръ (Napor), Черногогоръ (Charnigor), рѣку Нерыб-Уда (Neribuda) и проч. и проч.¹⁰⁾. Не выдумывая ничего подобнаго, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», непосредственно за рассказомъ о сѣмшеніи и раздѣленіи языковъ, продолжаетъ: «По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска (Венгерская) земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на котормъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзи Чеси нарѣкошася; а се ти же Словѣни Хровате Бѣлин, и Серебѣ, и Хорутане»¹¹⁾. Тутъ самое выраженіе: *по мнозѣхъ временѣхъ*, исключая всякую возможность приурочивать къ той или другой эпохѣ — какъ движеніе славянъ откуда-то на Дунай, такъ и дальнѣйшее расселеніе ихъ съ Дуная, пожалуй, не линаетъ извѣстнаго вѣса доводъ школы Каченовскаго, что «восточная часть нѣмецкой земли, отъ истока Эльбы и отъ моря Балтійскаго до Адриатическаго, *искожи* была населена славянами»¹²⁾. Впрочемъ расселеніе «Словѣнъ» съ Дуная, какъ видно изъ самой «Повѣсти временныхъ лѣтъ», совершалось не вдругъ и не безъ причинъ. Рассказавъ о первоначальномъ выдѣленіи изъ славянской семьи вѣтвей: моравской, чешской, хорватской, сербской и хорутанской, «Повѣсть» снова обращается къ славянамъ дунайскимъ и говоритъ: «Волкомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, *стѣдшемъ въ нихъ и насильшемъ имъ*, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Лихове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзи Лутичи, ни Поморяне. Также и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Дибпру, и нарекошася Поляне, а друзи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговлчи; ни сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчкы ради, иже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ селъ прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около озера Памера (вариантъ: Пальменя), прозвашася своимъ имянемъ, и сѣдлаша градъ и нарѣкоша и Новьгородъ; а друзи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарѣкошася Сѣверь. Тако разиде-

Le royaume de Ciampo est rempli de bois et de deserts, de tigres, d'éléphants etc. *La province de Dounay est la plus grande*.

¹⁰⁾ «Мечты и дѣло о первобытныхъ народахъ въ Россіи», Владислава Отваженко (псевдонимъ). См. Телескопъ 1835, № 4, с. 598—600.

¹¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 3.

¹²⁾ «О времени и причинахъ вѣрнато переселенія славянъ на берега Волхова, М. Перемышлевскаго. См. Ученыя Записки Императорскаго Московскаго Университета. 1834. Мартъ. № IX, с. 439.

⁵⁾ Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей, т. I, с. 2.

⁶⁾ Скандинавomanія и ея поклонники, Ю. Венелина. 1842, с. 73—80.

⁷⁾ «Замѣчанія на нѣкоторыя мысли разсматривателя книги: *О первобытной Россіи и ея жителей*», и на нѣкоторыя слова сочинителя сей книги». «Русскій Вѣстникъ» 1810. Мартъ, с. 114.

⁸⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I, с. 3.

⁹⁾ Ученый англійскій географъ Вильямъ Гютри говоритъ о ней:

ся Словѣнскій языкъ; тѣмже и грамота прозвася Словѣнская»¹³⁾.

Оставляя въ сторонѣ положеніе школы Каченовскаго, что «общества, возникшія на берегахъ Днѣпра и Волхова, не могли имѣть одного начала» и изъ нихъ «новгородское, являющееся въ исторіи республикой совершенно демократической и промышленной, могло быть основано только колоніей народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности»¹⁴⁾, замѣтимъ, что темныя преданія о чемъ то дунайскомъ сохранились даже въ русскіяхъ — и, слѣдовательно, новгородскихъ — пѣсняхъ изъ которыхъ одна, древнѣйшая, донынѣ поется на играхъ такъ:

Ахъ! звали молодца,
Подзывали удалца
На игрищѣ поиграть.
    Дунай, мой Дунай!
    Селивановичъ¹⁵⁾ Дунай.
Шель молодчикъ удалой,
По дорожкѣ столбовой,
Во кастанѣ голубомъ!
    Дунай, мой Дунай,
    Селивановичъ Дунай!
Во кастанѣ голубомъ,
Въ красной шапкѣ на бекрень,
Машетъ шелковымъ платкомъ!
    Дунай, мой Дунай,
    Селивановичъ Дунай!
Встрѣли дѣвки молодца,
Взяли дѣвки удалца
Подъ могучія плеча.
    Дунай, мой Дунай и проч.
Попросили молодца,
Посадили удалца
За дубовые столбы!
    Дунай, мой Дунай и проч.
Угощали молодца,
Угощали удалца
Сладкимъ медомъ и виномъ.
    Дунай, мой Дунай и проч.
Не напьюся я вина,
Сладка меда не хочу.
Добрый молодецъ сказалъ,
    Дунай, мой Дунай и проч.
Красну дѣвицу хочу!
Дастъ мнѣ дѣвка поцѣлуй,
Поцѣлуемъ буду сытъ.
    Дунай, мой Дунай и проч.¹⁶⁾

Наконецъ, въ пользу мнѣнія о первоначальномъ пребываніи всѣхъ вообще славянскихъ племенъ именно на Дунаѣ служитъ еще то обстоятельство, что авторъ «Поѣвѣсти временныхъ лѣтъ», начавъ уже собственно рус-

скую исторію разсказомъ о построеніи Кіева и перечисленіемъ славянскихъ и другихъ племенъ на площади нынѣшней Россіи, о чемъ и мы скажемъ ниже, все таки не теряетъ изъ вида дунайскихъ соплеменниковъ, къ которымъ, въ третій разъ, обращается слѣдующимъ образомъ: «Словѣнску же языку, якоже рекохъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуеъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша»¹⁷⁾.

Когда именно случилось упоминаемое здѣсь нашествіе «отъ Скуеъ» — рѣшить нельзя. И также нельзя не видѣть въ этихъ скуеахъ тѣхъ самыхъ скивоовъ, которые были извѣстны грекамъ еще за 6 вѣковъ до Р. Х. Въ то время, греки, владѣя уже іонійскими колоніями, называли Понтъ (Черное море) не Аксинось (негостепримный), какъ во времена баснословнаго похода аргонавтовъ, а Эвксинось (гостепримный) — и Аристей, историкъ и поэтъ проконійскій, лично переплылъ Понтъ, на сѣверномъ прибрежьи котораго онъ самъ видѣлъ извѣстныхъ еще Орфею киммеріанъ, за ними скивоовъ, далѣе исседоновъ. Записавъ видѣнное, Аристей, уже по слухамъ, добавилъ, что еще сѣвернѣе исседоновъ живутъ одноглазые аримасы, по другимъ аргиппей, за которыми стерегутъ золото грифы, а далѣе, по самую окраину Сѣвера, блаженствуютъ гиппербореи, живущіе каждый по нѣскольку вѣковъ и прекращающіе дни свои добровольнымъ утопленіемъ. Къ этимъ полуфантастическимъ сказаніямъ Аристеея прибавились, лѣтъ 50 спустя, новыя сказанія соратниковъ меридскаго царя Дарія Истаспа, который, преслѣдуя скивоовъ, опустошившихъ Мидію, поднимался, по Геродоту, отъ Днѣстра до самаго Дона, а по новѣйшимъ и болѣе достовѣрнымъ мнѣніямъ, только до Пинскихъ болотъ въ нынѣшней Минской губерніи¹⁸⁾, и, на этомъ пути, встрѣтилъ, въ нынѣшней Волини, будиновъ, перемѣшанныхъ съ гелонами; за ними, къ сѣверу, меланхленовъ (черноплащниковъ); а еще сѣвернѣе — андрофаговъ. Въ это-ли именно, въ какое-ли другое время часть скивоовъ очутилась на занятомъ славянами Дунаѣ, и въ самомъ ли дѣлѣ можно полагать, какъ думаютъ нѣкоторые, будиновъ — вендославянскимъ племенемъ, гелоновъ — греческими выходцами, меланхленовъ — финнами, а андрофаговъ — самоѣдскимъ народцемъ, но, еще черезъ полвѣка послѣ похода Даріева, сѣверное прибрежье Чернаго моря посетилъ самъ Геродотъ (484—406 до Р. Х.), и свѣдѣнія о странахъ припонтійскихъ начали выясняться. Подтвердивъ сказаніе Аристеево о мѣсторасположеніи киммеріанъ въ степяхъ нынѣшней Екатеринославской и Херсонской губерній, а скивоовъ между Дунаемъ и Дономъ (Истромъ и Танаи-

¹³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, с. 3.

¹⁴⁾ «О времени» и д. т. М. Перемышловскаго, с. 432—437.

¹⁵⁾ Или — Сынъ Ивановичъ. Въ *Селивановичъ* нѣкоторые хотятъ видѣть слѣды мифическаго представленія о *Сильвантѣ*, или *Сильфѣ*, богѣ лѣсовъ, будто бы породившемъ Дунайскую область *Индія*.

¹⁶⁾ Телескопъ. 1835. № 4, с. 607.

¹⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, с. 5.

¹⁸⁾ «Darius Hystaspis zieht nach der Gegend von Pinsk». v. Eichenwald. S. Dorpat. Jahrb. 1834. № VII.

сомъ), отецъ исторіи повѣствуетъ, что скиѣы, когда-то и кѣмъ-то вытѣсенные къ Понту съ южнаго Аракса, а потому считающіе себя младшими изъ всѣхъ припонтійскихъ насельниковъ, бѣлокожи, краснолицы, голубоглазы, искрасна-желтоволосы, толсты, мясисты, неплодущи, страстны, вспыльчивы, лѣнны, живутъ кочевниками, питаются молокомъ, мясомъ, коницою, подраздѣляются на скиѣовъ *царскихъ* (паралантовъ) и *земледѣльческихъ*. Сосѣдями скиѣовъ Геродотъ указываетъ: къ югу (въ нынѣшнемъ Крыму) — тавровъ, племя свирѣлое, приносившее плѣнныхъ грековъ въ жертву своей *богинѣ-дѣвѣ*, въ храмѣ ея, на мысу Севастопольскомъ; къ западу (въ нынѣшней Трансильваніи) — изнѣженныхъ агаѣрсовъ, пользовавшихся своими женщинами съобща; къ сѣверу (въ нынѣшней Польшѣ) — перовъ, оборачивавшихся, на нѣсколько мѣсяцевъ въ году, волками, т. е. кутавшихся на зиму въ волчьи шкуры. Еще лѣтъ 50 спустя, Геродотовы скиѣы показываются въ неудачной для нихъ войнѣ съ царемъ македонскимъ Филиппомъ (383—336 до Р. Х.) и вскорѣ затираются сарматами, кочевымъ народомъ, мидійскаго — какъ доказано теперь — происхожденія, съ вида бѣлокурый, длинноволосый и длиннорылый, имѣвшимъ обыкновеніе расписывать тѣло узорами, носить широкую одежду, сражаться на коняхъ, поклоняться мечу или огню, закалать въ жертву лошадей и чествовать своихъ женщинъ, которыя превосходили мужчинъ силою, мужествомъ и воинственностію. Сильнѣйшими изъ сарматскихъ племенъ явился на западѣ, въ нынѣшнихъ Бессарабіи и Валахіи, язуги, а на востокѣ, между Дономъ и Днѣпромъ, роксоланы. Но скиѣы еще существовали и, разгромленные, вмѣстѣ съ сарматами, понтійскимъ царемъ Митридатомъ VII Евпаторомъ Великимъ (135—64 г. до Р. Х.), они, одновременно съ появленіемъ въ нынѣшней Европейской Россіи при-кавказскихъ выходцевъ алановъ, содѣйствовали возобновленію разоренной гетами Ольвіи (Борисоенъ, Милетопольскъ), одной изъ греческихъ колоній на черноморскомъ берегу, при устьѣ Буга (Гипанисъ). Судя по такому участию скиѣовъ въ судьбѣ Ольвіи, можно заключать съ вѣроятностію, что они дорожили этою колоніею, какъ древнимъ и, быть можетъ, главнымъ рынкомъ торговли своей съ греками, вывозныя статьи которой состояли въ хлѣбѣ, рыбѣ, воскѣ, медѣ, сырыхъ кожахъ, мѣхахъ, шерсти, лошадяхъ и рабахъ, а привозныя — въ выдѣланныхъ кожахъ, одеждѣ, маслѣ, винѣ и разныхъ произведеніяхъ искусствъ¹⁹⁾. Еще вѣроятнѣе, что важнѣйшимъ подспорьемъ этой торговли былъ пресловутый путь «изъ Варягъ въ Греки», путь, обстоятельно описанный на самыхъ первыхъ страницахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», съ

¹⁹⁾ Исторія государства російскаго, Н. Карамзина. Изд. Эйнерлинга (5-е), т. I, с. 3—4. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. Изд. 1857, т. I, с. 26—32, 37—40.

такимъ поясненіемъ автора: «А Днѣпръ втечетъ въ Понетѣское (Понтійское, т. е. Черное) море жереломъ (устьемъ), еже море словеть Руское, по нему же училъ святыи Оньдрей братъ Петровъ»²⁰⁾.

Упомянувъ, въ этомъ случаѣ, о черноморской проповѣди св. Андрея Первозваннаго, будто бы посѣтившаго потомъ киевскія горы и новгородскія народныя бани²¹⁾, «Повѣсть временныхъ лѣтъ» вступаетъ уже во времена христіанства, съ возникновеніемъ котораго многія указанія «Повѣсти» на пункты расселенія славянъ, двинувшихся съ Дуная, начинаютъ подтверждаться и разъясняться извѣстіями чужеземцевъ. Такъ, Тацитъ и Плиній, римскіе писатели I в. по Р. Х., знали уже при-византскихъ венецовъ, а восточнѣе ихъ — сербовъ; и Тацитъ, описывая венецовъ, свидѣтельствуетъ, что хотя они походятъ воинственностію на сарматовъ, племя не европейское, однако имѣютъ нравы европейскіе, потому что строятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣшкомъ. Тѣже венецы и сербы не перестаютъ упоминаться и греческими географами: во II в. — Птолемеемъ, а въ IV в. — Маркіаномъ, современникъ котораго, римскій историкъ Амміанъ Марцеллинъ, считаетъ венецовъ и сербовъ однородцами гунновъ, извѣстныхъ тогда по р. Днѣстру. Вѣкомъ позже, византійскій риторъ Прискъ, находясь греческимъ посломъ при дворѣ гуннскаго царя Аттилы, видѣлъ по ту сторону Днѣстра родственныя гуннамъ по языку и обычаямъ племена готтовъ — тѣ савмы, которыя, въ VI в., готскій историкъ Юрианъ дѣлилъ на *славянъ*, жившихъ отъ Вислы до Днѣпра, и *антовъ*, занимавшихъ при-понтійскія страны отъ Днѣпра по Днѣстру. Всѣхъ ли вообще славянъ разумѣлъ въ этомъ случаѣ Юрианъ — или только, какъ думаетъ Венелинъ, славоновъ нынѣшнихъ австрійскихъ владѣній, — но сказаніе Юриандова о славянахъ и антахъ подтверждаетъ современникъ его, грекъ Прокопій кесарійскій, добавляющій, что въ древности славяне и анты были извѣстны подъ именемъ споровъ, — въ которыхъ новѣйшіе изслѣдователи, и съ ними г. Соловьевъ, готовы видѣть сербовъ. Последніе, т. е. сербы, или, правильнѣе, сорбы (въ «Повѣсти» Серебъ), впервые находимые исторіею въ верхне-саксонскомъ Мейсенѣ (Мяснін), были однимъ изъ славянскихъ племенъ, обселившихъ все балтійское поморье и принадлежавшихъ, какъ объясняетъ

²⁰⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 3.

²¹⁾ Для любопытныхъ, вотъ разсказъ о баняхъ новгородскихъ, влагаемый въ уста св. Андрея Первозваннаго «Повѣстью временныхъ лѣтъ»: «Давно видѣхъ Словѣнскую землю, идучи ни само видѣхъ банн древены, и пережгутъ е рамяно (много), сомокутся и будутъ назн, и обляются квасомъ усніяныиъ, и возмутъ на ся прутье младе, бьются сами и того ся добьютъ, егда выьзуть ли живи, и обляются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучаши никимъ же, но сами ся мучать, и то творять не мовенья собѣ, а мученья». См. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 4.

Шлёдеръ, къ сѣвернымъ венедамъ или вендамъ, племена которыхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, носили разные названія, напр.: близъ р. Одера, въ Мекленбургіи, ободритовъ; у р. Эльбы (Лабы)—полабовъ; въ Голштиніи—вагровъ; въ Люнебургской области—линоновъ; въ Помераніи—вильцовъ; въ Бранденбургіи—укровъ; въ Верхней и Нижней Лузаціяхъ—лузатовъ ²²). Политическое обособленіе каждаго изъ этихъ славянскихъ племенъ—похожихъ, болѣе чѣмъ всѣ не-славянскія, на загадочныхъ варяговъ—начинаетъ выясняться уже въ VII в. отдѣльною войною сорбовъ противъ франкскаго короля Дагоберта I; и на этомъ же VII в. прекращаются обращенія къ дунайскимъ воспоминаніямъ, до сихъ поръ встрѣчавшіяся въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Авторъ послѣдней очевидно не считалъ нужнымъ для исторіи русской земли слѣдить дальнѣйшую судьбу ободритовъ, вильцовъ, укровъ и другихъ огерманизовавшихся соплеменниковъ. А потому, непосредственно за изложеніемъ преданій объ Андрѣе Первозванномъ и построеніи Кіева многими братьями Кіемъ, Щеконъ и Хоривомъ съ сестрою Лыбедью, онъ сообщилъ помѣстную роспись насельниковъ собственно-русской земли, при чемъ упомянулъ, но вскользь, что первоначальное становище славянъ на Дунаѣ, послѣ козаръ, рекомыхъ болгаръ, наслѣдовали какіе-то Угри Бѣліи: «си бо угри, добавляетъ онъ, *почаши быти* при Иракліи цари (610—641 г. по Р. Х.), иже находиша на Хоздроя, царя Перьскаго ²³)».

Покончивъ, такимъ образомъ, съ Дунаемъ, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» ограничиваетъ весь свой дальнѣйшій рассказъ событіями въ нынѣшней русской землѣ, которыя, какъ бы въ видахъ хронологическихъ, онъ продолжаетъ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Въ си же времена быша и Обри, ходиша на Ираклія царя и мало его не яша; си же Обръ воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху жемъ Дулѣбскимъ: аще похати будяше Обрину, не дадеше въпрячи коня, ни вола, но воляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обръина; тако мучаху Дулѣбы» ²⁴).

Стало быть, р. Бугъ, мѣсто жительства Дулѣбовъ, была, въ VII в., одною изъ украинъ страны, гдѣ писалась «Повѣсть временныхъ лѣтъ»,—страны, тогдашнее положеніе которой и взаимныя отношенія населявшихъ ее племенъ изображаются «Повѣстью» такъ: «И по сихъ братьи (Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ) держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ на-

верхъ Волги, и наверхъ Двины, и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдятъ Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдятъ Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Мери, а на Клешичѣ озерѣ Мери же; по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромы языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдва свой языкъ. *Се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси*: Поляне, Деревляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Вельняне. *А се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси*: Чюдь, Мери, Веси, Муромы, Черемиси, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Норова, Либь; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Асотова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ» ²⁵).

Въ приведенномъ мѣстѣ «Повѣсти» замѣчательны особенно два выраженія: 1) «се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси», т. е. *въ странѣ*, называемой Русью, и 2) «а се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси», т. е. *племенамъ*, называемымъ Русью. А такъ какъ изъ этого явствуетъ, что одно и то же названіе *Руси* «Повѣстью временныхъ лѣтъ» прилагается безразлично и къ странѣ и къ племенамъ, населявшимъ страну,—то едва ли не лишнее отыскивать тамъ и сямъ какихъ то руссовъ, будто бы таившихся гдѣ-то до самаго появленія своего, вмѣстѣ съ Рюрикомъ, въ Новгородѣ. Что же касается перечисленія «Повѣстью» племенъ «иже дань даютъ Руси», племенъ, очевидно, финскихъ,—обстоятельство это, служа не мало важнымъ доводомъ въ пользу хода и развитія силы и государственныхъ началъ русской земли съ Юга на Сѣверъ, а не обратно, дозволяетъ, пожалуй, отвергать и признаніе Рюрика съ братьями изъ странъ, лежащихъ сѣвернѣе Новгорода, который, въ свою очередь, упоминается Юриандомъ еще въ VI в. ²⁶) и признается многими за колонію одного изъ поморскихъ, славянскихъ племенъ. Если же въ доказательство особаго отъ славянъ существованія русскаго племени приводитъ подобающія выдержки изъ греческихъ и арабскихъ хронистовъ, то добытыхъ такимъ путемъ руссовъ ни топографически, ни даже этнографически нельзя будетъ выдѣлить изъ той именно славянской группы, исторіею которой ограничивается авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», разставшись съ Дунаемъ и поморскими славянами на событіяхъ VII в. Съ другой стороны,—нѣтъ и не можетъ быть ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что греки, римляне и арабы, знали ли они доисторическихъ дунайскихъ выселенцевъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» скиѳами, славянами или руссами, могли давать эти три названія одному и тому же племени, ничего о томъ не знавшему, подобно какъ и мы, русскіе, назы-

²²) Несторъ. Русскіи Лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Авг. Луд. Шлёцеромъ. Перев. съ нѣм. Д. Языковъ. 1809, ч. I, с. 113—144.

²³) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 5.

²⁴) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 5.

²⁵) Тамъ же.

²⁶) «Разборъ новыхъ толковъ о древностяхъ Россіи. (Новгородъ въ VI вѣкѣ)», П. Буткова.—См. Сынъ Отечества. 1838. Октябрь. Отд. III, с. 47—74.

ваемъ же группу германскихъ племенъ *нѣмцами*, хотя эта группа ни сама себя не знаетъ нѣмцами, ни отъ кого, кромѣ русскихъ, такъ не именуется. Наконецъ, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» уже потому не безосновательно обозвалъ и страну и народъ именно Русью, что, когда, вслѣдъ за разставаніемъ съ событіями на Дунаѣ и у поморскихъ славянъ, ему пришлось продолжать исторію собственно-русскихъ славянъ, онъ, для надлежащей ясности этой исторіи, не замедляетъ вставить въ «Повѣсть» рассказъ о появленіи между русскими и славянами новыхъ племенъ—радимичей и вятичей, *отъ ляховъ*: «Бяста бо, говоритъ онъ, 2 брата въ Лясахъ, Радимъ, а другій Вятко; и *пришедша* съдоста: Радимъ на Сѣзю (на р. Сожѣ), прозвашася Радимичи; а Вятко съде съ родомъ своимъ по Оцѣ (р. Окѣ), отъ него же прозвашася Вятичи»²⁷⁾. Явились ли радимичи и вятичи въ Русь тогда же, т. е. въ VII вѣкѣ, или нѣсколько позже, но съ пришествіемъ ихъ, общая характеристика русской земли того времени, дѣйствительно, могла быть выражаема такъ: «и живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, Сѣверъ, и Радимичъ, и Вятичи, и Хрвате. Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ (въ XI в.?) Вельныяне, а Улучи, Тиверци съдяху по Днестру, присѣдяху Дунаеви»²⁸⁾.

Нарисовавъ эту картину расселенія славянъ въ нѣшней русской землѣ, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», какъ бы для колорита картины, добавляетъ: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и предавша, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что владуче. А Деревляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы (вариантъ: у воды) дѣвicia. И Радимичи, и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожъжаху, а посемъ собравше кости, вложяху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ (XI в.?). Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ»²⁹⁾.

²⁷⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 5.

²⁸⁾ Тамъ же.

²⁹⁾ Тамъ же, с. 6.

Послѣ такого изображенія исключительно черныхъ сторонъ языческаго быта первоначальниковъ русской земли, изображенія, очевидно подсказаннаго ревностнымъ чувствомъ православія, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» распространяется о подобныхъ же черныхъ сторонахъ у другихъ, извѣстныхъ ему, народовъ и, непосредственно за тѣмъ, сосредоточивается на исторіи полянъ—потому ли, что самая «Повѣсть» писалась въ Кіевѣ, древнѣйшемъ гнѣздѣ полянъ, или потому, что изъ всѣхъ славянскихъ племенъ поляне были главнѣйшимъ.

Но между сторонами языческаго быта первоначальниковъ русской земли были и другія, тогда же замѣченныя чужеземцами-современниками, которые знали славянъ племенемъ высокорослымъ, статнымъ, смугловато-краснолицымъ, темнорусымъ, длинноволосымъ, здоровымъ, крѣпкимъ, легко переносившимъ холодъ, жаръ, голодъ и самую паготу. Кромѣ того, византийскій императоръ Маврикій (582—602 г. по Р. Х.) свидѣтельствуетъ, что славяне селятся, какъ разбойники, исключительно въ мѣстахъ недоступныхъ, напр. въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ, озерахъ; живутъ въ хижинахъ, снабженныхъ, на случай опасности, многими выходами; хранятъ все необходимое въ подземельяхъ; любятъ сражаться въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ, нападать внезапно, хитростью; могутъ скрываться въводѣ весьма долго, дыша посредствомъ выставленныхъ паружу тростинокъ; вооружены каждый двумя короткими копьями, а нѣкоторые твердыми, тяжелыми щитами, деревянными луками и маленькими, намазанными ядомъ, стрѣлами. Къ этому, грекъ Прокопій кесарійскій, современникъ Маврикія, добавляетъ что славяне, вѣчно, подобно массагетамъ, покрыты грязью и всякою нечистотою, не знавали никакихъ металлическихъ доспѣховъ и даже въ сраженіяхъ не всегда употребляли плащи и рубахи, зачастую имѣя на себѣ только порты. вмѣстѣ съ тѣмъ чужеземцы общимъ хоромъ удивляются привязанности славянскихъ женъ къ мужьямъ, которые—по мнѣнію, не вполне доказанному—будто бы могли переходить въ будущую жизнь не иначе, какъ сопровождаемые женами, изъ чего восточные писатели вывели нелѣпое заключеніе что если славянинъ умираетъ холостымъ, его спѣшили женить послѣ смерти и, вмѣстѣ съ трупомъ мужа—сжигали живыми новобрачныхъ женъ³⁰⁾. Наконецъ, чужеземцы же, напр. грекъ Теофилактъ, подтверждаютъ намеки «Повѣсти временныхъ лѣтъ» на *трызны*, т. е. пищества при погребеніи, сопровождавшіяся пьянствомъ, иѣснями, борьбою въ честь умершаго и рѣзаніемъ или царапаніемъ лицъ, въ знакъ печали.

Но независимо отъ прямыхъ указаній «Повѣсти временныхъ лѣтъ», болѣе или менѣе подтверждаемыхъ и объясняемыхъ свидѣтельствами чужеземцевъ, суще

³⁰⁾ Исторія Россіи и пр., С. Соловьева, т. I, прим. 68.

ствуютъ еще разныя мнѣнія и ученія о языческомъ бытѣ первоначальниковъ русской земли, приемлемыя, разумѣется, на вѣру, однако нелишенные мѣста въ наукѣ. Сюда принадлежатъ мнѣнія новѣйшихъ изслѣдователей о первоначальной религіи и ученіе г. Соловьева о первоначальномъ же, будто бы *родовомъ*, бытѣ первоначальниковъ русской земли,—предметахъ серьезныхъ, которые, глубоко вкореняясь вездѣ и всюду, пережили у славянъ язычество и, слѣдовательно, изглаживались несравненно медленнѣе, нежели тѣ черты, какими авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» обрисовалъ своихъ и нашихъ предковъ. Познакомиться съ мнѣніями новѣйшихъ изслѣдователей и ученіемъ г. Соловьева тѣмъ любопытнѣе, что современный русскій народъ безсознательно продолжаетъ хранить слѣды, по крайней мѣрѣ,—религіозныхъ вѣрованій первоначальниковъ русской земли.

Полагаютъ, что древняя религія русскихъ славянъ, чрезвычайно сходная съ первоначальной религіей древнѣйшихъ арійскихъ племенъ, состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ. Верховнымъ божествомъ славянъ, по свидѣтельству Прокопія кесарійскаго, древнѣйшаго писателя о славянахъ, былъ Перунъ, свергатель грома и молніи,—явленія, наиболѣе способныя поражать человѣка первобытнаго. Этотъ Перунъ, названіе котораго выводятъ и отъ санскритскаго корня *Par* (отсюда дѣйствительная форма *Перунъ* и страдательная *Паренъ*, т. е. рожденный сынъ) и отъ литовскаго глагола *perieti*, рождать, именовался также Сварогомъ, по отождествленію его съ подобіемъ греческаго Вулкана—египетскимъ Саворогомъ или Феостомъ, въ царствованіе котораго, по чтенію Ипатьевскаго списка «Повѣсти временныхъ лѣтъ», спадлоша клещѣ съ небесъ, нача ковати оружье»³¹⁾. Перунъ-Сварогъ имѣлъ двухъ сыновей Сварожичей, Солнце и Огонь, изъ которыхъ первое называлось еще Дажьдбогомъ, какъ значится въ вышеприведенномъ мѣстѣ Ипатьевскаго списка, гдѣ сказано: «и по семь (Сварогѣ) царствова сынъ его, именованъ Солнце, его же наричуть Дажьдбогъ». Божественное значеніе и происхожденіе огня видны изъ слѣдующаго мѣста одной древней рукописи: «Огневи молятся, зовутъ его Сварожіцемъ и чесновикъ богомъ творять»³²⁾. Поклоненіе солнцу было особенно распространено между язычниками русскими, которые даже называли себя *внуками* Дажьдбога, вслѣдствіе чего г. Соловьевъ полагаетъ, что извѣстный пѣсенный припѣвъ: *Ой дидь (дѣдъ)! Ладю!*—относится именно къ Дажьдбогу, тѣмъ болѣе, что на Руси донынѣ извѣстна народная пѣсня:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко:

³¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II, с. 5.

³²⁾ Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцовскаго музея. А. Востокова. 1842, с. 228.

*Твои дѣтки плачуть,
Пить ѣсть просятъ и т. д.*³³⁾.

Поклоняясь Дажьдбогу-Сварожичу-Солнцу, языческіе предки русскихъ поклонялись и мѣсяцу съ звѣздами, боготворили и воздухъ съ водою. Извѣстно, что, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, при Владимирѣ I, кромѣ идола Перунова, стояли еще идолы: Стрибога, распорядителя вѣтровъ; Симаргла (по чтенію Прейса, Сема и Регла³⁴⁾), ассирійскаго божества огня, и Мокоса, божества женскаго рода, сходнаго съ сирскою Астартою. Наконецъ, въ мифологіи славянъ, еще далеко не разработанной, встрѣчаются имена божествъ Хорса, Тура и Волоса, относимыя изслѣдователями къ одному и тому же Дажьдбогу-Сварожичу-Солнцу, съ замѣчаніемъ г. Соловьева, что имя Волоса или Велеса, вслѣдствіе финскаго вліянія, сдѣлалось нарицаніемъ божества стады, по лѣтописцу—*скотьяго бога*³⁵⁾.

Само собою разумѣется, что, благодаря преимущественно солнцу, древніе славяноруссы должны были и всѣ религіозныя обряды свои основывать на порядкѣ годоваго обращенія солнца, а главные празднества приурочивать къ періодическимъ измѣненіямъ временъ года. Поэтому, годовой циклъ языческихъ праздниковъ у славянъ открывался исходомъ декабря, когда солнце поворачивается на весну. Торжествуя это обстоятельство, язычники славяне, одновременно съ христіанскими святами, справляли *Коляду*, извѣстную также подъ именемъ Авсеня, Таусеня или Ясеня, т. е. солнца, и оставившую по себѣ память въ слѣдующей колядной пѣснѣ:

Уродилась Коляда
Налануиъ Рождества.
За рѣкою, за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи сто
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвпцы,
Поютъ пѣсни коледушки;
Въ среднѣхъ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати³⁶⁾.

Второй, по годовому циклу, праздникъ языческихъ славянъ, совпадавшій съ нынѣшнею масляницею, состоялъ въ проводахъ зимы—донынѣ воспоминаемыхъ кое-гдѣ сожженіемъ чучелы Мары или Морены—и заключался встрѣчею весны, перенесенною съ христіан-

³³⁾ Исторія Россіи и проч. С. Соловьева, т. I, прим. 77.

³⁴⁾ Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1841. Февр. отд. IV, с. 37—39.

³⁵⁾ Исторія Россіи и проч., С. Соловьева, т. I, прим. 79.

³⁶⁾ Тамъ же, прим. 82.—Эта же пѣсня, нѣсколько переиначенная, напечатана въ собраніи И. Сахарова «Пѣсни Русскаго Народа», 1838, ч. I, с. 94—96.

ствомъ на *Красную горку*, а въ древности сопровождае-
 шуюся обрядомъ *вѣнчиства*, т. е. поздравленія новобрач-
 ныхъ, сочетавшихся преимущественно весною. Третій
 праздникъ языческихъ славянъ, приходившійся 23 июня
 и извѣстный подъ названіемъ *Купалы*, знаменовала собою
 то время года, когда солнце, находясь въ высшемъ зе-
 нитѣ, преимущественно способствуетъ всякой жизни на
 землѣ и, слѣдовательно, вмѣстѣ со всеми другими сти-
 хійными божествами, преимущественно заслуживаетъ
 поклоненія. Воспоминаніями послѣдняго донинѣ оста-
 ются разные обряды, совершаемые во всѣхъ славянскихъ
 земляхъ въ чудодѣйственную ночь на Ивановъ день.
 какъ-то: таинственное исканіе папоротника, купаніе, за-
 жиганіе костровъ, прыганіе черезъ огонь, наконецъ, за-
 кланіе бѣлаго пѣтуха — птицы, привѣтствующей раз-
 свѣтъ, а потому угодной Солнцу.

За стихійными божествами, у древнихъ славянъ чти-
 лись души умершихъ родителей и предковъ, обоготво-
 ряемая въ формѣ домашнихъ геніевъ-покровителей,
 подъ именами *Рода* или *Чура* (правильнѣе *Щура*, т. е.
 предка, отсюда *трашуръ*) и *Рожаницы*. Поглоненіе
 Роду и Рожаницѣ связывалось съ каждымъ изъ вышеоз-
 наченныхъ праздниковъ. Такъ, въ Коляду, мертвые, по
 понятіямъ первоначальниковъ русской земли, вставали
 изъ могилъ и пугали живыхъ, — которые, при встрѣчѣ
 весны, т. е. на масляницѣ, закармливали души мертве-
 цовъ блинами³⁷⁾. Отсюда произошла чинѣнныя Радун-
 ца, сорпояжаемая ѣдою на могилахъ, зарываніемъ тутъ
 же красныхъ яицъ, а въ Вѣлорусіи и слѣдующимъ пря-
 мымъ обращеніемъ къ древнимъ Роду и Рожаницѣ: «Свя-
 тые радзице! хадзице къ намъ хлѣба-соли кушаць».³⁸⁾
 Кромѣ Рода и Рожаницъ, т. е. душъ родителей и пред-
 ковъ, древніе славяне представляли себѣ всѣ другія ду-
 ши покойниковъ принявшими форму *русалокъ*, — пре-
 красивыхъ, но безжизненно-блѣдныхъ дѣвицъ. Съ весны
 (страстнаго четверга) до Троицына дня, русалки жили
 въ водахъ, выходя на берегъ только поиграть, а съ
 Троицына дня до Петрова поста — качались на деревьяхъ
 и, въ концѣ весны, спроваживались обратно въ могилы.
 Эти вѣрованія сохранились и донинѣ — въ народныхъ
 празднованіяхъ Семика, а за нимъ Троицына дня, бываю-
 щихъ обыкновенно въ четвергъ и въ воскресенье, такъ
 называемой, *русальной* недѣли.

Ни капищъ, ни жрецовъ у древнихъ славянъ не вид-
 но, — быть можетъ потому, что поклоненіе стихійнымъ
 божествамъ совершалось всенародно на открытомъ воз-
 духѣ, а домашнимъ геніямъ — семейно, въ избахъ, предъ

³⁷⁾ «Въ Тамбовской и другихъ губерніяхъ первый баннъ, неле-
 ченный на Сырной недѣлѣ, кладутъ на слуховое окошко, для душъ
 родительскихъ». См. Русскіе простонародныя преданія и суевѣр-
 ные обряды, И. Снегирева. 1837. Выпускъ II, с. 120.

³⁸⁾ Сказанія русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ. 1849.
 Т. II. Кн. VII, с. 82.

очагами которыхъ, изстари освященнымъ значеніемъ
 главнаго мѣста въ жилищѣ, приносили жертвы, молебны
 и умилостивляли геніевъ — самъ глава каждой семьи.
 «Что первоначальныя жертвоприношенія принадлежали
 очагу, говоритъ г. Афонасьевъ, это убѣдительно дока-
 зывается тѣмъ фактомъ, что атрибуты кухни и очага —
 котерга, помело, голикъ, ухватъ, лопата, сковорода и
 проч. — получили значеніе орудій жертвенныхъ и удер-
 жали это значеніе даже до позднѣйшей эпохи языче-
 скаго развитія».³⁹⁾ Вѣрованіе простыхъ людей въ *дѣ-
 душку-домового* (опять же *домовикъ*, *постынь*, *лизунъ*,
 въ Сибирѣ — *суевъдо*, въ Архангельскѣ — *хозяинуш-
 ка*), существующее донинѣ, остается замѣтнымъ слѣ-
 домъ того религіознаго значенія, какое имѣли нѣкогда:
 изба — *первый языческій храмъ* (отсюда филологиче-
 ское тождество *храма*, освященнаго мѣста, съ *хорома-
 ми*, *домомъ*, *жилищемъ*), и очагъ, завѣтное сѣдалище
 домашняго пената.

Таковы мнѣнія о начальной религіи первоначальниковъ
 русской земли. — мнѣнія, кое въ чемъ соответствующія
 ученію г. Соловьева о *родовомъ бытѣ* тѣхъ же перво-
 насельниковъ. Сущность родового быта — разбивавша-
 гося, по г. Соловьеву, у всѣхъ славянскихъ племенъ —
 заключалась въ тѣсномъ союзѣ кровно-родственныхъ
 между собою лицъ, подчиненныхъ одному общему родо-
 начальнику и не признававшихъ никакой связи, внѣ ро-
 довой. Понятіе *родъ* подавало собою представленіе о
племенѣ, или отдѣльной линіи рода, и не оставляло мѣ-
 ста идее *семьи*, знакомой древнимъ славянамъ — и дол-
 го послѣ того — только въ смыслѣ мужниной жены,
семьины. Глава рода, старшій или лѣтѣмъ, или восходя-
 щей степенью родства, или наконецъ, самъавшійся «въ
 отца мѣсто» избраніемъ всѣхъ родичей, соединялъ въ
 себѣ характеры отца, правителя, военачальника и перво-
 священника бѣлаго рода, вѣдалъ казну послѣдняго, раз-
 дѣлялъ родичамъ пищу и одежду, распоряжалъ сред-
 ствами къ защитѣ и нападенію. Каждый родичъ обяза-
 вался родоначальнику полнымъ повиновеніемъ; но въ
 случаѣ недовольства или разногласія, могъ выдѣляться
 изъ рода и селиться, гдѣ пожелаетъ. Сначала, на воль-
 номъ просторѣ, окружавшемъ первоначальниковъ
 русской земли, выселеніе недовольныхъ происходило безъ
 особенныхъ хлопотъ и, конечно, устраняло усобицы,
 невозможныя при положеніи болѣе стѣсненномъ, напр.
 въ городахъ, тогда, къ счастью, рѣдкихъ. Но съ даль-
 нѣйшимъ развѣтвленіемъ родовъ, постепенно охлаждав-
 шимъ и взаимныя отношенія родичей и расположеніе
 ихъ подчиняться общему родоначальнику, случаи недо-
 вольства или разногласія долженствовали не только уча-
 щаться сами, но и учащать усобицы, потому что воз-

³⁹⁾ «Религіозно-языческое значеніе избы славянства», А. Ава-
 насьева. Отечество. Записки. 1851. № 6.

можность выселяться из рода, прежде столь легкая, болѣе и болѣе ограничивалась недостаткомъ первоначальнаго простора. Эти усобицы, а также отсутствие всякой внѣшней связи между родами, конечно, не способствовали упроченію системы родоваго быта, которая, если и существовала она, ни могла ни существовать долго-временно, ни быть системою въ настоящемъ значеніи этого слова.

И то и другое подтверждается различіемъ въ начальныхъ судьбахъ сѣверныхъ и южныхъ русскихъ племенъ, различіемъ, едва ли возможнымъ при однѣхъ и тѣхъ же формахъ систематизированнаго быта, но которое явствуетъ изъ самаго текста «Повѣсти временныхъ лѣтъ», покинутого нами на исторіи полянъ. Такъ, авторъ «Повѣсти» рассказываетъ, что, по смерти ииическихъ братьевъ Кія, Щака и Хорива, поляне много терпѣли отъ древлянъ и другихъ сосѣдей, а потомъ подпали владычеству козаръ, рекомыхъ болгаръ, которые, явись «въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою», сказали полянамъ: «платите намъ дань» — и «сѣдумавше поляне, вдаша отъ дыма мечь»⁴⁰⁾.

Стало быть, въ то самое время, когда сѣверныя русскія племена брали дань съ своихъ чужеродныхъ сосѣдей («иже дань даютъ Руси»), южно-русскія племена — платили ее своимъ.

Долго ли находились дѣла въ этомъ положеніи — неизвестно, потому что, только вслѣдъ за рассказомъ о покореніи полянъ козарами, въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» вводится — правильная или неправильная — хронологія, приступить къ которой сопровождается слѣдующимъ любопытнымъ извѣстіемъ: «Въ лѣто 6360 (852), индикта 15⁴¹⁾, наченшю Михайлу царствовати (въ Греціи), *начася прозывать Руска земля*. О семъ бо увѣдахомъ — продолжаетъ авторъ «Повѣсти», — яко при семъ царіи приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ; *тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ*»⁴²⁾.

Это мѣсто «Повѣсти» истари толковалось различно, смотря по тому, кто какъ понималъ выраженіе „*начася прозывать Руска земля*“ Одни, разумѣли и разумѣютъ это „*начася*“ буквально и безусловно; другіе же — по отношенію къ вопросамъ: *къмъ и идъ* («начася»)? И хотя первыхъ можно было бы спросить: неужели же безъ «лѣтописанья Гречьскаго» русская земля не знала и не вѣдала, что она *русская*, — но едва ли не будетъ благодарнымъ вспомнить по этому случаю слѣдующее почти забавное объясненіе одной изъ позднѣйшихъ (XVII в.)

⁴⁰⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 7.

⁴¹⁾ *Индиктъ*, т. е. пятнадцатилѣтіе, счетъ, введенный римлянами для удобнѣйшаго сбора податей съ подвластныхъ народовъ. — *Индикціонъ*. — время, содержащее въ себѣ 532 года. — Въ лѣто 6360 (852) истекалъ XIII индикціонъ отъ сотворенія міра.

⁴²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, с. 7

лѣтописей, именно Густинской: «Есть здѣ недоумѣніе многимъ, откуда и въ кая лѣта, и чего ради нашъ Славенскій народъ наречеса Русю: на се таково раздрѣшеніе имаши. Се вонервыхъ да вѣси, яко сей народъ Славенскій или Русскій, отъ своего начала даже доселѣ не единого нарицашеса, но различными имены, по временехъ, иногда отъ мѣстъ и странъ, на нихъ же пришедше селяху ся, иногда отъ народовъ, къ нимъ же приходжаху, иногда отъ храбрыхъ вожей своихъ, и проч... Но откуда взялся сему славному народу сіе наименованіе Русь, лѣтописци различнѣ повѣдаютъ. Едины глаголятъ, яко отъ Росса князя Полуночнаго, его же пророкъ Езекиль въ главѣ 38 и 39 поминаетъ; иныи отъ рѣки глаголемыя Росъ, иныи отъ русскихъ власовъ, понеже въ сей странѣ съ сичевыми власы мнози обрѣтаются, иныи отъ града Русы, лежащаго недалече Великаго Новгорода, иныи отъ Русса сына Лехова, его же глаголютъ нѣкогда здѣ княжити; конечное же глаголютъ, яко отъ розсѣянія Россія именуется. Сичеваго разумѣнія Страбо и Птоломей географи».⁴³⁾

Какъ бы то ни было, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», впервые высчитавъ годы отъ потопа до воцаренія Михаила (III, Пьяницы), поставилъ нѣсколько годовыхъ чиселъ безъ всякаго обозначенія событій, — чѣмъ самымъ подтвердилъ существующее мнѣніе о составленіи первоначальной лѣтописи изъ древнѣйшихъ пасхальныхъ таблицъ, — и только подъ 858 годомъ внесъ замѣтку о войнѣ болгаръ съ греками и крещеніи первыхъ, а подъ 859 г. сообщилъ такое извѣстіе: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятчѣхъ, имаху по бѣлѣ и веверицѣ (вариантъ: бѣлой веверицѣ) отъ дыма».⁴⁴⁾

Откуда взялись тутъ «Варязи изъ заморья», кто были они и въ чемъ состояли отношенія ихъ къ чуди, славянамъ, мери и кривичамъ, до обложенія данью этихъ разнородныхъ, но взаимно сосѣднихъ племенъ, — на такіе вопросы нѣтъ положительныхъ отвѣтовъ, ни въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», ни въ ученомъ остроуміи ея истолкователей. Не впутываясь въ лабиринтъ этимологическихъ мудрований, навязывающихъ загадочнымъ варягамъ многія происхожденія и отчизны, повѣримъ, на этотъ разъ, только «Повѣсти временныхъ лѣтъ», авторъ которой, вслѣдъ за извѣстіемъ о иманіи варягами дани на сѣверно-русскихъ, а козарами на южно-русскихъ племенахъ, проставляетъ еще два пустыхъ годовыхъ числа, но за то, подъ третьимъ, говоритъ: «Въ лѣто 6370 (862). Изгнаша Варязи за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ

⁴³⁾ Тамъ же, II, с. 236 (Прибавленіе къ Ипатьевской лѣтописи).

⁴⁴⁾ Тамъ же, т. I, с. 8.

нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся». ⁴⁵⁾

Случились ли всѣ эти событія въ одно и тоже «лѣто 6370 (862)», или, что вѣроятнѣе, заняли собою и два предыдущія «лѣта», вышеспроставленные одними цифрами, но продолжая вѣрить только тексту «Повѣсти временныхъ лѣтъ», узнаемъ, что племена, изгнавшія варяговъ, т. е. однѣ сѣверныя, «рѣша сами въ себѣ: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Куда же направилась искатели «собѣ князя»? — «Идоша, отвѣтствуетъ «Повѣсть», за морекъ Варягомъ къ Руск» — и поясняетъ, что «сиде бо ся зваху ты Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое, друзи же Урмане, Ангыляне, друзи Гъте; тако и си». ⁴⁶⁾

Стало быть, кромѣ *варяговъ* просто, имѣлись еще *варязи русь* — и это-то новое, доселѣ въ «Повѣсти» не встрѣчавшееся, племя, вотъ уже болѣе ста лѣтъ играетъ въ прятки съ гг. изслѣдователями, поиски которыхъ за варягами русью расплодили огромную литературу мнѣній, соображеній и догадокъ, еще болѣе затемнившихъ дѣло. Послѣднее, конечно, не разъяснится до тѣхъ поръ, пока гг. изслѣдователи не покинутъ филологическіе приемы изслѣдованій, несправедливо приписываемые одному г. Вельтману (въ книгѣ его «Аттила и Русь» IV и V вѣка), на самомъ же дѣлѣ употребляемые вовсе не однимъ г. Вельтманомъ и, какъ замѣтилъ кто-то, состоящіе въ слѣдующемъ: 1) «При переходѣ словъ изъ одного языка въ другой всякая гласная можетъ превращаться во всякую гласную. 2) Всякая согласная можетъ превращаться во всякую согласную. 3) Во всякомъ словѣ, согласно требованіямъ благозвучія, можетъ быть выпущена или прибавлена всякая, какъ гласная, такъ и согласная, буква, — а равно и цѣлыя слоги. *НВ*. Не рѣдко также гласныя превращаются въ согласныя и наоборотъ» ⁴⁷⁾. А потому, не покушаясь ни открывать, съ г. Погодинымъ, варяговъ русь въ какомъ нибудь «углу сѣвера или древней Скандинавіи» ⁴⁸⁾, ни плавать, съ г. Куниномъ, въ слишкомъ натянутый Росслагенъ ⁴⁹⁾, скажемъ словами «Повѣсти», что, по отысканіи желаемого, «рѣша *Руси* (по другимъ спискамъ: *Русь* — разпорѣчіе не неважное) чюдъ, словѣни и кривичи: «вся земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжити и володѣти нами» ⁵⁰⁾. Приглашеніе это, невѣдомо гдѣ и кому сдѣланное, не пропало въ тунѣ:

⁴⁵⁾ Тамъ же.

⁴⁶⁾ Тамъ же.

⁴⁷⁾ Современникъ. 1858. Мартъ. Библиографія, с. 40.

⁴⁸⁾ Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи М. Погодина. 1846, т. II, с. 166.

⁴⁹⁾ «Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ», С. Геденова. Записки Императорской Академіи Наукъ. 1862, т. I. Приложение № 3, с. 6. — Впоследствии г. Куниномъ самъ отказался отъ росслагенскихъ Варяговъ-Руск. См. тамъ же. с. 122.

⁵⁰⁾ Поги. Собр. Русск. Лѣтоп., т. I, с. 8.

«И избрашася — досказываетъ «Повѣсть» — 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старшій *Рюрикъ* сѣдъ въ Новѣградѣ, а другій *Синеусъ* на Бѣлозерѣ, а третій *Изборъскъ Труворъ*. Это все бы еще ничего. Но вотъ чѣмъ заключаетъ «Повѣсть» сказаніе свое о призваніи князей: «Отъ тѣхъ (Рюрика, Синеуса и Трувора) прозвася *Русская* земля, Новгородъци: ти суть людье Новгородъци отъ рода *варяжска*, преже бо бѣша *словѣни*» ⁵¹⁾ — и такое смѣшеніе названій Руск, Варяговъ и Славянъ, дѣйствительно, способно погасить въ тупикъ какого угодно изслѣдователя.

Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, добыли чюдъ, славяне и, кривичи Рюрика съ братьями? Если буквально принимать лѣтописное выраженіе «изъ за моря» и сообразить мѣстоположеніе городовъ, занятыхъ призванными князьями братьями, то окажется, что пункты Изборска, Новгорода и Бѣлозера слѣдуютъ одинъ за другимъ по одной и той же прямой линіи, продолженіе которой къ югу должно упереться именно въ славянское Поморье и тутъ затеряться не иначе, какъ въ пространствѣ между тогдашними Гданскомъ (Данцигомъ), Колобратомъ (Колбергомъ) и Воллиномъ ⁵²⁾. Это — такъ сказать, геометрическое — предположеніе пути Рюрика съ братьями къ славянамъ, конечно, не имѣетъ за себя другихъ вѣроятій и можетъ быть отброшено весьма легко, — такъ же легко, какъ, напр., устарѣвшія доказательства г. Погодина о варягахъ руси въ Скандинавіи, доказательства, которымъ не смотря на всю своеобразную диалектику г. Погодина ⁵³⁾, не поздоровилось даже отъ нападокъ такого критика, какимъ былъ покойный Савельевъ-Ростиславичъ ⁵⁴⁾. Впрочемъ, противъ Байеро-Шлэдеро-Погодинскаго мнѣнія происхожденія русскихъ отъ не-русскихъ, еще въ прошломъ вѣкѣ, возставали: Ломопосовъ и даже Тредьяковскій, изъ которыхъ первый подвергся за это серьезному гоненію въ стѣнахъ самой академіи наукъ, а послѣдній съ свойственною ему элоквенціею, печатно изъяслялъ: «Твердо по сему и есть непреборимо: варяги-руссы, а отъ нихъ прибывшіи царствовать государи наши въ Великую Россію были званія славенскаго, рода славенскаго и славенскаго языка. Крѣпко и непреодолимо есть: всѣ Руссы, а особливо сѣверныя, не были ни Даняне, ни

⁵¹⁾ Тамъ же, с. 9.

⁵²⁾ Учебный атласъ Русской Исторіи, Е. Замысловскаго. 1865. (Карта восточной Европы съ половины IX до половины XI в.).

⁵³⁾ Въ образчикъ этой диалектики приводимъ слѣдующее мѣсто изъ приступа г. Погодина къ разбору мнѣній г. Геденова о Варягахъ и Руск: «Пріяно слѣдить за его (г. Геденова) экскурсіями, подмѣчать его уклоненія, ловить съ поличными, прикирпачить къ стѣнѣ...» Не правда ли хорошо? А далѣе, см. Записки Императорской Академіи Наукъ. 1864, т. VI. Приложение № 2, с. 1—3.

⁵⁴⁾ «Разборъ мнѣній М. П. Погодина о началѣ Руск», Н. Соловьева-Ростиславича. Сынъ Отечества. 1848. Ноябрь. Отд. I, с. 1—78.

Свѣи, ни Норвежане, ни Скандинавляне, ни Германцы; но Россіане собственно такъ нарицаемы нынѣ издревле»⁵⁵⁾.

Совсѣмъ-тѣмъ, вопросъ: откуда былъ призванъ Рюрикъ съ братьями?—остается вопросомъ.

⁵⁵⁾ Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, В. Тредьяковскаго, 1773, с. 78.

Что же касается года, въ которомъ случилось это знаменательное для Россіи событіе, онъ уже опредѣленъ окончательно — не «Повѣстью временныхъ лѣтъ» и не изслѣдованіями ученыхъ, а—торжествомъ тысячелѣтія Россіи, совершеннымъ, 8 сентября 1862 г., въ Новгородѣ.

М. Д. Хмыровъ.

